

Галина ЩЕКИНА

Родилась в Воронеже. Окончила экономический факультет Воронежского университета. С 1979 году живет в Вологде. Работала экономистом, библиотекарем, журналистом. Редактировала местную газету, альманах.

Автор многих книг прозы и поэзии. Публиковалась в журналах «Север», «Подъём», «Дружба народов», газетах «Литературная Россия», «Книжное обозрение» и других изданиях.

ОЖИДАНИЕ КОЗ

Идти далеко! До неба должны мы дойти за женщиной, худенькой, ореховой, скорой на ногу. Она споро бежит по дороге, уходящей вдаль и ввысь – как бы поднимаясь к небу, бежит, не замечая свистящих мимо расстояний. Но куда мы бежим взадых, глотая горячий воздух? Мы бежим, чтобы не опоздать. Дайте же, дайте мокрую панамку, лицо горит как в кислоте...

Машиной рысью, совсем без сознания, с екающей и колющей от бега селезенкой, нас выносит на пустынный луг. Можно упасть, продышаться и ждать.

В кривящемся от зноя воздухе заметны на зеленых травах цветные горошины женских платков. То десятки, чуть не сотни женщин сидят, сбившись, на досках, просто на взгорках – и ждут. Мы слышим их говор, обрывистый и грустный, будто проглатывают что. Они ждут и терпеливо волнуются.

– Где носит окаянную, где носит?

– Тамарка, неугомона. Она всегда так. Не то чтоб до срока довести, еще и сверх срока прихватит.

– Все тепётся.

– Говорили ей. Столько лет – ведь шестьдесят уж было, сын в городах пристроен, на кого и ломить? Нет, ломит, тепётся, грешная. Говорили!

– А не слышит.

Все подавленно молчат. Потом, взглядевшись в закат, одна опять не выдерживает и роняет:

– Загоняет бедняжек.

Над бесконечным полем начинает густеть, наливаясь тревога. В беззвучном солнце, в терпком небе ничего, ни отзвука, ни окрика.

– Моя-то прошлый раз прибилась к чужим. Домой не пришла. Полночи я бегала, обыскалась ее.

– Хлеба надо давать, давала? Не то стоишь, кричишь. Может, боится она так.

– А то нет! Всегда даю.

Опять замирают.

– Нет, бабы, я так последний год. То не дожدهшься, то не выкормишь. Хватит уж, я не Тамарка. Сил нет.

– У меня тоже нет. А что делать? Дал бы президент на двести целковых поболее, так и не надо бы водиться. А то вожусь. Уж будто все для симпатии нянчат.

– А у меня, девки, какая страсть с козлятами. Наелись чего-то, все водой ходят.

– Калганом пои, а то не гоняй, дома держи.

– Так и мать надо держать, куда она без них. А чего надоит непасенная?

– Это да.

Горестно трут платками лица, вздыхают надрывно, как перед больницей. Разговор переводится подальше от греха.

– У тебя-то малая на руках сидела – нынче с тобой уж гоняет?

– Ножками внучка пошла, легче теперь. Дочь привезет простудную, всю с кашлями, а у меня она напоена, нагрета, через три дни как новенька.

– Она у тебя дельная, другие пойдут гонить что зря да орать, а эта вичку возьмет и так ладно, солидно – «иди, иди». Понимает уже.

– Она понимает. Зимой я пошла коз доить, она от меня и заперлась в дому... Все играла с козленком, он выбегал. Я крикнула: дверь запри – она и заперла, крючочек накинула. Я стучать, она молчать. Внученька, давай скорей, стыну! Ведь в халате, в сапогах выбежала, а мороз! Молчок. Туда, сюда, кругом дома, кричать, соседи подбежали – чего ты? Выставили окно в кухне: спит моя голубка. И козленок по дивану ходит. Думала, умру...

Слова про стужу звучат по сонной жаре дико, ни на что не похоже.

– А моя спрашивает: бабушк, тарелки на это поле прилетали или куда? Я ей – на это, на это. Она опять – а женщина в красном жива после них? А как же. Я узнала потом, кто такая. Ничего, жива, только болела. У складов живет.

– Ой, хватит вам опять. Прилетали, не прилетали. Не наше дело. Себе ума не дадим, тарелки разбираем...

Возникший крик:

– Бабы! Ведут наших !

В огромном поле горошины как рукой сгребают, потом смешавшись, пятно горошин вытягиваются полосой. Идет неясный гул. Из крайнего бугра и кустов показывается стадо – коз страшно, невозможно много, бегут быстро – блеющий пестрый поток, громкая, тревожно-пестрая масса!

Навстречу им – другой поток! Бабы с оханьем, причитанием, зовут протяжно, ищут своих, будто даже голосят! В адской мешанине бросаются друг другу навстречу, кричат, чуть не плачут – двести баб, двести коз – столпотворение!

– Биля, Малышка, Роза, где вы? Идите скорей!

– Груша, Груша, ко мне, пропажа.

– Розка, Розка!

– Машка, Пальма, домой.

– Лада!

– Звездочка!

– Биля, Малышка!

– Марта!

Найденные Биля, Малышка и Розка с разбегу утыкаются в хозяйкины колени и спешно хватают приготовленные черные горбушки. Но не успокаиваются, а продолжают отчаянно блеять, толочься и сбивать с ног других. Вокруг них сразу водоворот! Грушу долго не могут найти.

– Груша, Груша, иди, пропажа, иди милая! Гру-у-уша!

Козьих величаний еще много, и они часто смешные, комичные, а хозяйкам это не видно, они выкрикивают на полном серьезе, до горьких слез:

– Маля, Кукла! Маля-Маля-Маля!

– Чита, Чита!

– Монетка!

И те им отвечают, кричат как ненормальные свое «бе-е» невесть от какой беды и усталости.

– Боже мой, Груши нет опять, девочки, не видали?

– Да она в первых рядах пробежала, что ты!

– Кукла, Марта, Монета!

– Нет Груши! Ох, смотри.

– Как нет, если первой бежала. Сама смотри, коль пригнали.

– Звездочка, Звездочка, вот и ты, худышка моя.

Так не коз, так детей встречают из лагеря или откуда еще похуже.

– Ну, Тамарка, истомила нас. Сколь тебя ждать надо! Смотри, они не пимши, не емши столько бежали!

– Если им перекур давать, вообще бы к утру пришли. Всех не дождешь, – тихо бросает пресловутая Тамарка, обходя козье шествие. Это крохотная старушка в больших! литых! сапогах! в жару! Она идет еще быстрее, чем наша, хозяйка Били, Малышки, Розки, и на спине несет охапку травы больше своего роста...

– Биля, Малышка, Роза, ну, вот еще хлебушек, ну, попейте в канавке. И к дому, к дому. Чего встали?

Приходится толкать растопырившуюся Розку, но она уперлась всеми четырьмя, ни с места, как ослик.

– Ну, как-нибудь. Ну, давайте, родные.

Постепенно толпа женщин и коз вытекает с поля, как каша из кастрюли. Говор становится ровней, легче, точно с души свалился ужас. Отходя от пережитого стресса, бабы громко смеются всяким пустякам, радуются жизни и вспоминают, что надо спешить. Надо дойти, загнать, обрядиться, а там еще три сериала на вечер... Даже хозяйка Груши идет, грустно качая головой, к дому. Потом вечером обойдет соседей, ища беглянку, приставшую к чужой избе.

С обочин и окраин поток распадается на узкие ручейки и расходится по улочкам. А пока он похож на исход из Египта, и поскольку голоса беды замолкли, драматизм происходящего угас, все движение стало мирным, даже величественным, как народный праздник.

Женщины и козы, нашедшие друг друга родные существа, пошли рядом под высоким небом, с которого однажды слетали неведомые страшные тарелки. Это шествие космическое, библейское, необратимое. Оно не похоже на ту музыку, которая несется из всех распахнутых окошек. Это не позывные «Санта-Барбары», которые повторяются с точностью до секунды и заменяют будильник. Это похоже на Баха, «Страсти по Матфею», на грозную ораторию, в которой проникновенно звучит тема страдания и нравственной стойкости человека. Начинаешь понимать, почему они будут ходить так годы и годы – дело не только в малых недостатках. И почему хвори надо перемогать, и сенокосить через силу, невзирая на возраст и новые порядки. Есть заведенный издавна нерушимый строй жизни. Он чувствуется без слов.

Надо побольше сена забить в сарайки, впереди лютые холода, и это правильно, весь год пекла не вынести. А пока козы в уютной темени жадно тянут теплую воду, через стенку хозяйка льет в кружки густое молоко. Это тоже и верно, и вечно.